

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ В УЧЕНИИ Л. ШЕСТОВА

Безвесельная Зоя Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: enzoya@yandex.ru

Статья посвящена гносеологическим воззрениям выдающегося русского философа, представителя философии Серебряного века Л. И. Шестова (1866–1938). Теоретико-методологическую базу исследования составляет целый ряд методов и их синтез. В первую очередь речь идет о сочетании исторического и логического методов исследования – историко-философского (в том числе герменевтического) изучения трудов Л. Шестова и их логического анализа. Автор статьи также опиралась на структурный метод, стремясь прояснить элементы убеждений и мыслей философа в их связи с целым. Результаты такого анализа проявили свое значение в обобщении, произведенном при помощи системного метода исследования.

Ключевые слова: история философии, философия жизни, экзистенциальная философия, религиозная философия, иррационализм, гносеологический релятивизм, теоцентризм, антропологизм.

THE ISSUE OF PHILOSOPHIC COGNITION IN L. SHESTOV'S DOCTRINE

Bezveselnaya, Zoya V.

PhD, Assistant Professor of the Department for Philosophy of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997,
Russian Federation.

E-mail: enzoya@yandex.ru

The article deals with epistemological views of L. I. Shestov (1866–1938), the prominent Russian philosopher of the Silver Age. Theoretical and methodological foundation of the research covers a number of methods and their synthesis. First of all, it is connected with a combination of historical and logical methods of research – historical and philosophical (including hermeneutic) study of L. Shestov's works and their logical analysis. The author also relies on structural method trying to disclose components of thoughts and beliefs of the philosopher in their connection with the general. Results of this analyses show their significance in generalization accomplished by the system method of research.

Keywords: history of philosophy, philosophy of life, existentialism, religious philosophy, irrationalism, epistemological relativism, theo-centrism, anthropologism.

Лев Шестов – философ, сложный для понимания, что отмечали еще Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, связанные с ним годами общения. Сложность эта имеет две основные причины. Первая – иррационализм философии Шестова, не позволяющий ему придать мысли законченную рациональную форму. Главное в мировоззрении Шестова не выражается ни обычными словами, ни научными терминами, о нем можно только догадаться или почувствовать, что является важной характеристикой философии жизни в целом. Сам мыслитель называл своим первым учителем философии и вдохновителем Шекспира, от которого мы вряд ли ожидаем сухих научных формулировок. Вторая причина состоит в том, что Шестов, подобно Ницше, не оформил свои воззрения в законченную философскую теорию с ясной аргументацией. Зачастую выводы о взглядах этого философа легче сделать исходя из его критики как отдельных концепций, так и философской теории познания в целом. При этом становится понятным, с чем он категорически не согласен и ведет борьбу. Именно поэтому ряд исследователей полагают, что Шестов, не являясь философом в традиционном понимании этого слова, скорее философичен, подобно Гёте, Достоевскому, Толстому.

Наделенный блестящим литературным талантом, великолепным чувством юмора, иронией и даже сарказмом, Шестов разворачивает перед читателем великолепную картину истории философской теории познания как истории триумфа рационализма, с которым философ ведет непримиримую борьбу. Исследователи отмечают объективность, непредвзятость подхода Шестова к иным воззрениям. И лишь недавно была издана статья Н. К. Бонецкой [2], в которой автор стремится доказать, что критика Шестовым философских концепций всегда имела форму судебной тяжбы, где он, безусловно, принимал сторону индивида против разума и морали. Хочется заметить, что, следуя этой логике,

любой, в том числе интеллектуальный, поединок можно трактовать как тяжбу, которая представляет собой в более общем смысле противостояние сторон. Автор статьи упрекает Шестова в необъективности, в рассмотрении иных концепций исключительно со своей, иррационалистической точки зрения, что представляется несправедливым, в том числе с позиции той же герменевтики. Осуществляя интерпретацию текста, читатель при всем стремлении к объективности и непредвзятости неизбежно привносит в толкование свой опыт и собственные убеждения.

Современная методология признает роль личности субъекта в исследовании. Вспомним хотя бы «Историю философии» Б. Рассела. Человек научного склада ума, выдающийся математик тем не менее пишет историю философии с точки зрения позитивизма, что неизбежно, поскольку Рассел – философ-позитивист. Точно так же невозможно исключить философа Шестова из его истории философии. Что же касается историко-философских намерений Льва Шестова, то написание истории философской мысли не было для него самоцелью, напротив, он стремился показать развитие и утверждение в философии рационалистического метода познания, а также его слабость и ограниченность.

Последовательно анализируя все значимые философские концепции, начиная с философии Античности и заканчивая современными русской и западной философией, Л. Шестов в каждой из них находит противоречия. На этом основании он делает вывод: любая теория неверна. В этом он усматривает бессилие рационалистической философии. Жизнь больше логики. Следовательно, и подход к ней нужен иной, внелогический, сверхразумный. «Современная философия заслуживает упрека в том, что не имеет мужества освободиться от тирании разума», – пишет философ [3. – С. 237].

Шестов, назвав гносеологию душой философии, фактически определяет ее в качестве предмета своего исследования. Тео-

рии познания посвящено большинство трудов Шестова. Именно через призму теории познания он затем решает вопросы мировоззренческого, нравственного, культурологического характера. Шестов надеялся, что с помощью теории познания будет опровергнут рационализм. «Гносеология... может нанести самый решительный удар культурным претензиям на всезнание», – пишет философ [3. – С. 254].

Собственная методология Шестова складывалась постепенно, однако с самого начала философ не желал ограничивать сферу познания исключительно метафизикой. Он не согласен с Платоном, призывавшим к изгнанию поэтов из города, и в начале своей философской деятельности опирается на труды не только философов, но и литераторов. Источниками знания для него являются Пушкин, Лермонтов, Чехов, Толстой, Достоевский. В этом смысле он опережает развитие современной теории познания, признавшей в XX в. искусство и литературу как способы познания наряду с философией и наукой. «Философия может быть музыкой», – пишет Шестов [4. – С. 283]. «Философия есть искусство, стремящееся прорваться сквозь логическую цепь умозаключений и выносящее человека в безбрежное море фантазии...» [4. – С. 59].

Решающую роль в процессе формирования убеждений Шестова сыграли труды Ф. Ницше, под влиянием которых он противопоставил традиционной философии философию трагедии. Завершает этот процесс знакомство в 1928 г. с творчеством С. Кьеркегора (Шестов называет его Киргегардом), чьи идеи с поразительной точностью совпали с его собственными убеждениями. Именно у Кьеркегора Шестов, кстати, воспринимает термин «экзистенциальная философия». Пожалуй, Кьеркегор является самым серьезным гносеологическим союзником Шестова, противостоящим рационализму Платона и Гегеля и видевшим источник философии не в интересе или удивлении, а в отчаянии. Такое совпадение основных позиций и выводов

помогло Шестову убедиться в правоте собственных выводов и окончательно сформулировать свои идеи.

Необходимо отметить, что еще в начале XX в. Шестовым были опубликованы такие значительные труды, как «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)» (1900), «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» (1903), «Potestas Clavium (Власть ключей)» (1915), в том числе и труд, являющийся «манифестом» философа, – «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905). Но можно предположить, что именно косвенное подтверждение истинности собственных воззрений в трудах Ницше и Кьеркегора побудило Л. Шестова к написанию столь значительных работ, как «На весах Иова (Странствования по душам)» (1929), «Киргегард и Достоевский» (1935) и, наконец, важнейшего, итогового размышления «Афины и Иерусалим» (1938).

Основной идеей, стержнем рассуждений Л. Шестова на протяжении всего его философского творчества было противопоставление рационалистического и иррационалистического способов познания, Афин и Иерусалима (этот образ впервые использовал Тертуллиан, противопоставивший веру и знание), эллинского логического мышления и библейского откровения [1]. Шестов не просто противопоставляет, он решительно отрицает истины разума. Отмечая, что разум многократно обманывал человека, Шестов делает вывод, что у человечества очень мало оснований ему доверять. Философ предлагает выбор: религия или разумная философия? Он пишет, что «в погоне за знанием философы утратили драгоценный дар Творца – свободу» [5. – С. 332]. Философ говорит о разуме как об узурпаторе, превысившем свои полномочия, и упрекает современную философию в том, что она не имеет мужества освободиться от его тирании.

Согласно выводам Л. Шестова, рационалистическая философия родилась из потребности человека «не выходить за пределы ограниченной пробужденности»

[3. – С. 145], и вся история философии, начиная с Сократа и Платона, представляет собой поиск общеобязательных истин, в результате которого на месте культа Бога был воздвигнут культ «общего». И сколько бы европейцы не говорили о Боге, на деле они ищут знания и понимания. Даже принцип картезианского сомнения Декарта – еще одна возможность поиска чего-либо, не подлежащего сомнению. А после Гегеля уже никто не смеет думать, что философам можно свободно мыслить и искать [6. – С. 5]. Критикуя рационалистический способ познания, а также «объясняющую» философию, мыслитель задает риторический вопрос: зачем философу доказывать истину, которую он непосредственно видит? Задача философа, писателя – идти впереди и делиться с читателями своими впечатлениями [4. – С. 195].

Вспоминая первую заповедь рационализма, сформулированную Б. Спинозой, – «не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать», Шестов подчеркивает, что разум отвергает все, что связано с жизнью, подавляет волю человека. В буддизме это приводит к уходу. И это не соответствует сущности библейского человека. Философия же, склоняющаяся перед открываемыми разумом данностями, не приводит человека к истине, а, напротив, навсегда уводит от нее [5. – С. 318–336].

На современном Шестову этапе своего развития рационалистическая метафизика под влиянием выводов И. Канта и Г. Гегеля поставила перед собой задачу непременно стать научной философией, что вызвало жесткую критику Шестова, писавшего о необходимости разрыва «подлинной» и «научной» философии. Философ полагал, что именно от непримиримой борьбы философии и науки более всего выиграет человечество [6. – С. 339].

На протяжении целого ряда лет Л. Шестов поддерживал тесную дружбу с Э. Гуссерлем, основателем феноменологии, несмотря на то, что по своим гносеологическим и другим философским воззрениям они были антиподами (что отмечал и сам

Гуссерль). Дружба, однако, не мешала Л. Шестову видеть во взглядах Гуссерля синтез и апогей развития научной философии. Действительно, для Гуссерля основой познания является очевидность. Привилегированное место в составе сознания, согласно феноменологии, занимает чувственное созерцание.

В связи с выходом в свет статьи Гуссерля «Философия как строгая наука» Шестов изложил целый ряд возражений, в том числе указал на то, что философской истине не свойственна округленность (имея в виду научную теорию как основную и высшую форму научного познания). Согласно Гуссерлю, философия не должна быть прибежищем для мудрости, а должна учиться у науки; разум и наука не только не нуждаются в оправданиях (этических и иных основаниях), а сами решают вопросы мировоззренческого характера. Шестов называет Гуссерля преемником всех философов, стремящихся превратить философию в науку. Как пишет Шестов, Гуссерль не понимает, что задача гносеологии может заключаться в том, чтобы «определить момент, когда должно устранить разум от руководящей роли или ограничить его в правах» [3. – С. 198].

В своих трудах Л. Шестов не раз подчеркивал, что мир возник вопреки разуму и любым возможностям, а значит, находится за пределами рационального познания. Мысль эта, собственно, не нова и принадлежит философскому деизму Нового времени, но для современной религиозной философии она имеет огромное значение, позволяя сохранить самостоятельность, независимость от позитивной (в самом широком смысле – ограничивающейся данностью) философии, а также неповторимость предмета исследования.

Трудность изложения иррационалистической философии заключается в том, что борьбу приходится вести на территории противника, действовать его методами. Не следует делать поспешный вывод о том, что Шестов отрицал познавательные возможности науки и рационализма в целом.

В отечественной литературе распространено ошибочное мнение о скептицизме взглядов Шестова. Да, Шестов писал: «Нужно, чтобы сомнение стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни. Ибо твердое знание есть условие несовершенства восприятия» [4. – С. 229]. Признавая и акцентируя относительность истин, т. е. являясь релятивистом, он не был скептиком, напротив, в одном ряду критиковал скептиков и догматиков за отказ от дальнейшего познания. И как ни парадоксально это звучит, но, утверждая, что философия не должна иметь ничего общего с логикой, в своих трудах он с неизбежностью и весьма успешно использует рационалистический метод познания.

Шестов не просто разграничивает области, предмет философского и научного познания, он прозорливо указывает на опасность подмены философских, а также религиозных решений научными. Действительно, одним из мировоззренческих результатов развития позитивизма в XX в. становится сциентизм, представляющий собой в общем виде идейную позицию, отстаивающую научное знание в качестве наивысшей культурной ценности и определяющего фактора взаимодействия человека с миром вплоть до отрицания философско-мировоззренческих проблем как лишённых смысла для познания.

«И как между делом врача и делом священника нет ничего общего, так нет ничего общего между философией и наукой. Они не только не помогают и не дополняют одна другую, как принято думать, – они всегда враждуют между собой. И вражда тем более напряженная, что ее приходится обычно скрывать под личиной любви и доверия» [6. – С. 152]. Напомним, что Шестов ведет речь не о позитивной, а о религиозной философии. Противопоставление философии и науки означает для Шестова не разделение мира на неподлинное «здесь» и подлинное «там», а констатацию трагической бессмысленности порядка вещей, основанного на рациона-

листическом и сциентистском понимании жизни. Философия должна быть противопоставлена науке – вывод, который делает Л. Шестов.

Спасение Л. Шестов видел в возрождении религиозной философии. Речь не идет, конечно, о рационалистической религиозной философии, которая подобно средневековому европейскому богословию провозгласила знание высшей ступенью веры. Шестов неоднократно указывал, что именно тяга к разумному познанию стала причиной грехопадения первого человека, пожелавшего различать, что есть добро, а что – зло. Рационалистическое познание явилось причиной изгнания человека из рая. На примере философской концепции В. Соловьева Шестов показывает, как рационалистическая религиозная философия фактически подчиняет Бога логике и морали [7]. Речь не идет также о догматической религиозной философии, полагающей, что истины уже открыты и дальнейшее познание бессмысленно. «Разум опорочил в наших глазах веру», – делает вывод философ [5. – С. 335]. Шестов отвергает саму возможность рационального истинного суждения о смысле мироздания.

Целью философского познания, согласно убеждениям Л. Шестова, является не поверхностное, прикрывающее действительность знание, а откровение, которое даруется искателю всемогущим Богом. Поэтому Бог становится центром гносеологических и иных воззрений философа. Несмотря на постоянную обращенность к человеку, философия Шестова, по сути, теоцентрична. Главное слово его теории познания – вера. Именно она дает возможность прорыва к тайнам мира и подлинному пробуждению личности, невозможному при помощи логики. Цель развития человека – освобождение от общеобязательных суждений, рабства научного мышления, безумная борьба за невозможное. Проблема познания для Шестова, таким образом, неразрывно связана с проблемой свободы воли.

Прорыв от очевидного к невозможному, недопустимому для Шестова является признаком подлинности мышления. Свобода мысли всегда ценилась Шестовым выше ее истинности или логической обоснованности. Кто знает, что есть истина и какие истины нужны человеку? Познание бесконечно. Философия должна оставить попытки отыскания вечных истин. Ее задача – «не успокаивать, а смущать людей» [4. –

С. 52], побудить их покинуть знакомые берега и пуститься, подобно Колумбу, в дальние странствия. И если предшествующие философские системы стремились в первую очередь дать человеку некую онтологическую заданность, наделить его основами мировоззрения, то Шестов гениально осознает принципиально новую задачу философии – научить человека жить в неопределенности.

Список литературы

1. *Безвесельная З. В.* Л. И. Шестов о различиях русского и европейского способов мировосприятия и миропонимания // VI Найденовские чтения : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : Научная библиотека, 2014. – С. 387–389.
2. *Бонецкая Н. К.* Адвокат дьявола (герменевтика Л. Шестова) // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 98–109.
3. *Шестов Л.* Potestas Clavium (Власть ключей) // Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1993.
4. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991.
5. *Шестов Л.* Афины и Иерусалим // Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1993.
6. *Шестов Л.* На весах Иова. – М. : Наука, 1993.
7. *Шестов Л.* Умозрение и Апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // Шестов Л. Сочинения. – М. : Раритет, 1995.

References

1. Bezvesel'naya Z. V. L. I. Shestov o razlichiyakh russkogo i evropeyskogo sposobov mirovospriyatiya i miroponimaniya [L. I. Shestov about the Diference between Russian and European Ways of World-Perception and World-Understanding], *VI Naydenovskie chteniya : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [6th Naydyonov's Readings, materials of the International Conference]. Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2014, pp. 387–389. (In Russ.).
2. Bonetskaya N. K. Advokat d'yavola (germenevtika L. Shestova) [Devil's Advocate (L. Shestov's Hermeneutic)], *Voprosy filosofii* [Philosophic Issues], 2014, No. 9, pp. 98–109. (In Russ.).
3. Shestov L. Potestas Clavium (Vlast' klyuchey) [Power of Clues], *Collection of Works*, in 2 Vol. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1993. (In Russ.).
4. Shestov L. Apofeoz bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya) [Apotheosis of Groundlessness (experience of adogmatic thinking)]. Leningrad, Publishing House of LGU, 1991. (In Russ.).
5. Shestov L. Afiny i Ierusalim [Athens and Jerusalem], *Collection of Works*, in 2 Vol. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1993. (In Russ.).
6. Shestov L. Na vesakh Iova [On Iova's Balance]. Moscow, Nauka, 1993. (In Russ.).
7. Shestov L. Umozrenie i Apokalipsis (Religioznaya filosofiya Vl. Solov'eva) [Speculation and Apocalypse (Religious Philosophy of V. Soloviev)], *Shestov L. Sochineniya* [Shestov L. Works]. Moscow, Raritet, 1995. (In Russ.).